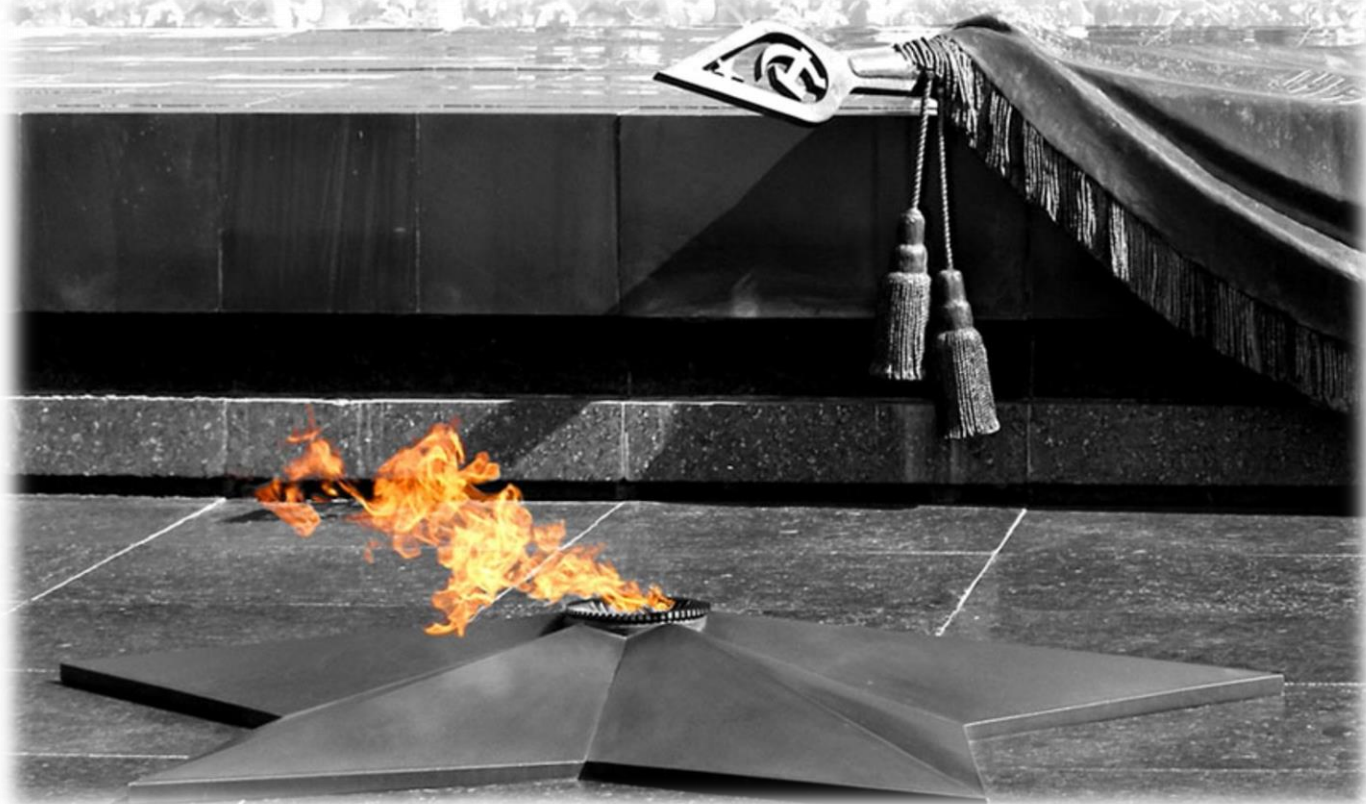

Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система Красносельского района»

Библиотека № 7 «Улыбка»

Память о войне

(взгляд из XXI века)

Сборник стихов и рассказов

Санкт-Петербург
2020

Память о войне : сборник. – Санкт-Петербург :
СПб ГБУК «ЦБС Красносельского района» ;
Библиотека № 7 «Улыбка». – 2020. – 58 с.

В сборнике представлены стихи и рассказы современных авторов о Великой Отечественной войне.

Ответственный за выпуск

Шанина Е. Н., заведующий библиотекой № 7

Подбор литературы

Дурягина Л.В., библиотекарь библиотеки № 7

Составитель

Беликова Н. М., библиотекарь библиотеки № 7

Память о войне не уходит...

Задачей, целью, смыслом жизни стало
Вас воскресить – погибших на войне.

Ю.Друнина

Перед вами сборник произведений наших современников о войне.

К произведениям, написанным о Великой Отечественной войне в прошлом веке, каждый год прибавляются новые. В них взгляд писателей из XXI века, многие из которых не были на той войне. Но их книги всё также будоражат душу, всё также заставляют замирать сердца читателей.

Как бы далеко не было прошлое, память о нем важна: мы должны сделать все для того, чтобы трагические страницы истории никогда не повторялись в жизни народа. В наших силах не забывать о цене той войны и постараться сделать так, чтобы ничего подобного в истории человечества больше никогда не случилось.

Асеева Ирина

Асеева Ирина Ивановна - поэт, детский писатель, автор развивающей и обучающей литературы.

Ирина окончила РГПУ им. Герцена, с 1995 года живет в Санкт-Петербурге. До того, как начала заниматься литературой, работала учителем, программистом, техническим писателем.

Лауреат и победитель сетевых и городских конкурсов и фестивалей, в том числе обладатель «Гран-при» городского и областного конкурса поэзии «Молодой Петербург», лауреат Международного поэтического фестиваля «Поэзия улиц», финалист Международного фестиваля «Русский Гофман».

Стихи Ирины были опубликованы в журнале «Мурзилка» и звучали на радиостанции «Вести.fm». Несколько стихотворений включены в учебники русского языка для немецких детей издательства «Cornelesen»¹.

Член Санкт-Петербургского Союза литераторов с 2017 года.

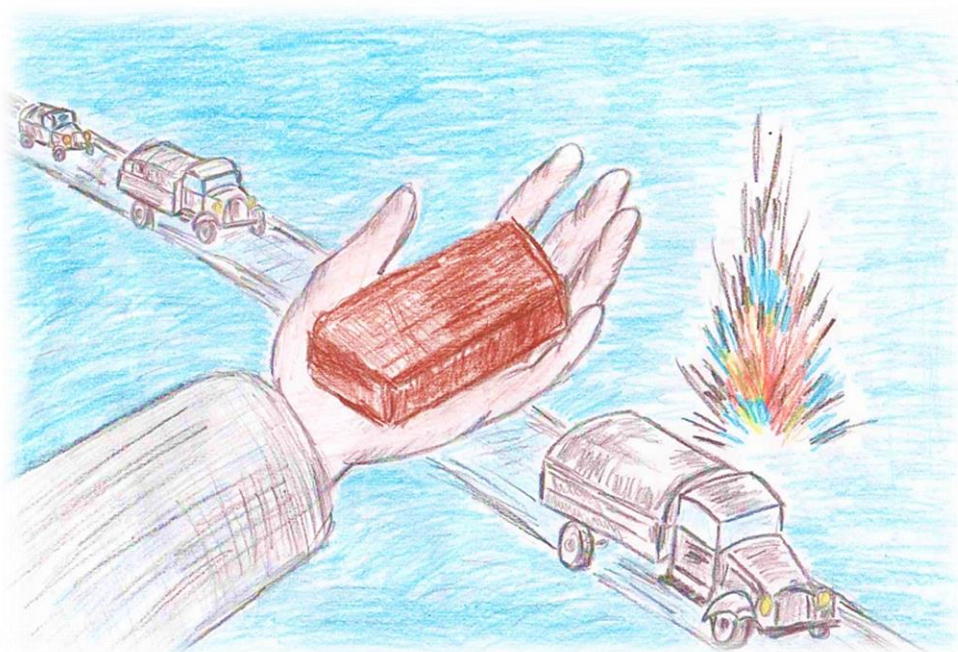
В 2019 году получила премию им. Екатерины Серовой в номинации «Обучающая литература в рифмах».

* * *

На город врагом наступала зима,
И сыпались с неба снаряды,
Стучали и холод, и голод в дома,
Но город держался в блокаду.

Он жил и работал в метели тревог,
Но были уверены люди:
Сегодня в ладони есть хлеба кусок,
А, значит, и жизнь завтра будет.

* * *

Вышло Солнце, туч прогнало тень –
Вспыхнули гвоздики красным светом.
Мы встречаем в этот майский день
Самый важный праздник – День Победы.

Деды встали с правнуками в строй,
Чтобы снова вспомнить всех героев.
Справились мы с этою войной
Всем народом, всей большой страной.

Мой прадед

На старинной тёмной фотографии –
Молодого прадеда портрет.
Я смотрю внимательно-внимательно
На чернил полуразмытый след.

"Сорок первый год... На память долгую
Маме и сестрице дорогой.
Месяц май," – последние недолгие
Золотые дни перед войной.

Он ходил вот эту дорожку
По мосту, по краешку полей,
Он сидел с весёлою гармошкой
Под окном прабабушки моей

И не знал, что скоро всё изменится –
Опустеют все дома вокруг,
Что в войны кровавой страшной мельнице
Пропадут и брат, и лучший друг.

...Он вернётся сам, звеня медалями,
Летом сорок пятого домой:
С постаревшим взглядом, дважды раненый
И неузнаваемо седой.

*Кувалдин Василий Алексеевич,
дед Ирины Асеевой*

* * *

Я возьму с собой гвоздики красные,
Ленточку от Ордена Победы –
Мы сегодня всей семьей празднуем
Праздник, нам подаренный прадедом.

Солнце ярко светит – утро славное!
А в Москве войска идут парадом.
Ветераны в этот праздник главные,
На груди у них блестят награды.

И война, казалось бы, далекая,
В этот день как будто снова близко:
Непривычно тихая и строгая,
Молча постою у обелиска,

У огня бушующего вечного,
Что зажжен в честь всех героев павших.
Бабушкина рана не залечена:
Прадед в списке без вести пропавших...

Ветеранам с теплотой сердечною
Подарю гвоздичек ярких пламя –
Словно часть огня большого вечного –
Нашу благодарность, нашу память.

* * *

Здесь слышно порою среди тишины
Далекое эхо прошедшей войны,
И помнит здесь каждая горстка земли
Солдат, что навеки в полях полегли,

Солдат, что сражались за солнце для всех,
За мирное небо, за искренний смех,
За то, чтобы дружно, в достатке, в тепле
Мы жили спокойно на нашей земле.

Пусть ты мне не прадед, пусть ты мне не брат,
Но ты мне родной, неизвестный солдат!
Я подвиг твой помню, тобою горжусь
И низко тебе – до земли – поклонюсь.

Саклаков Даниил с мамой

Кандыбович Лилия

Кандыбович Лилия Викторовна: «Я родилась в городе Краснодон Луганской области. Мой отец был военным, поэтому мы часто переезжали с места на место. В детстве моим любимым занятием было чтение. А ещё я мечтала о путешествиях в дальние страны и о том, как было бы здорово, если бы была профессия – читатель. Тогда я даже подумать не могла, что буду сама писать книги.

Тема войны занимает особое место в моей жизни. Несколько лет назад я собрала и оформила в альбом информацию обо всех членах моей семьи, прошедших или переживших войну. И назвала альбом «Мой бессмертный полк». О подвигах солдат в годы войны всегда много писали, снимали фильмы. Но став взрослой, я начала задумываться, а как жили дети в годы войны? Так начала рождаться повесть «Моё военное детство».

В основу первой части, которая называется «Лёва», легли воспоминания отца моего мужа, Льва Александровича Кандыбовича. Это он шёл пешком с детским садом на станцию, а потом ехал в товарном вагоне. Только через полгода его в детском доме отыскала мама. Отец Лёвы вернулся с фронта без руки, а мама умерла в 1945 году. Самого Лёву отдали в суворовское училище. Лев Александрович стал военным, затем известным учёным-психологом».

Лёва

(главы из повести)

Самый длинный день. 22 июня

Лёва лежал на небольшом полотенце, раскинув руки, и рассматривал облака. Теплый ветер приятно обдувал лицо, а трава щекотала пятки. В детском саду это называлось «принимать воздушные ванны». Как ванна может быть воздушной? Лёва точно знал, что в ванну наливают воду. А тут дети лежат, как огурцы на грядках, и переворачиваются по команде воспитательницы.

– Повернулись на живот! – скомандовала она. – Вот вернетесь с дачи, родители увидят какие вы загорелые и здоровые!

На животе лежать куда интересней. Можно играть машинкой, которую папа подарил. Ни у кого нет такой красивой машины!

– Эй, Лёвка, смотри чего у меня есть, – прошептал рыжеволосый Генка и показал Лёве свисток. – Давай меняться!

Лёва задумался. Свисток был красивый, блестящий, совсем настоящий. Как у судьи на футбольном матче. Но и машинку жалко.

– Зачем он мне, – Лёва сделал равнодушное лицо.

– Как зачем? Ночью будешь свистеть, если потеряешься.

– А тут ночи нет! Как мы с садиком на дачу приехали, так и нет ночи!

– А почему же нам говорят: «Спокойной ночи» когда спать укладывают? А? – не отступал Генка. – Значит ночь есть!

– Нет, – стоял на своем Лёва. – Когда мы ложимся спать – за окном светло, когда просыпаемся опять светло. Темноты нет – значит и ночи нет.

– А ты у тёти Нины спроси! Ночь всегда есть! Воспитательница, услышав громкий спор, подошла к мальчикам.

– Вы чего расшумелись?

– Тётъ Нин, ну скажите вы ему, что ночь есть, – заканючил Генка, – А то он говорит раз светло, то и ночи нет.

– Эх, вы, спорщики! – засмеялась воспитательница. – Ночи летом короткие. Вот вы их и не замечаете. А сегодня, 22 июня, самый длинный день. Всё! Всем подъём, обедать пора!

Дети быстро натянули майки и сандалии. Они уже давно принюхивались к вкусным запахам, доносившимся с кухни. В столовую никто не хотел опоздать. Борщ, каша и молоко с плюшкой. Что может быть вкуснее?

Лёва одевался и краем глаза косился на свисток. Эх, вот бы папе показать. Папа футбол любит, ему точно понравится. А машинку можно потом снова выменять.

– Ладно уж, давай меняться, – сказал Лёва и протянул другу машинку.

После обеда был тихий час. Это он только назывался тихий. На самом деле спали только малыши. Ребята постарше только притворялись спящими, а когда воспитательница уходила, начинали шушукаться. Или рассказывать страшные истории. Особенно хорошо получались эти истории у Генки. Он умел говорить таким могильным голосом, что по спине бежали мурашки.

Но сегодня что-то пошло не так. Как только дежурная воспитательница тётя Нина вышла из спальни, за окном раздался громкий плач с причитаниями. У них в саду плакали только малыши, а не взрослые тетеньки. Мальчишки вскочили с кроватей и, прикрываясь шторой, выглянули в окно.

Посреди двора стояла повариха баба Зина. Она раскачивалась из стороны в сторону, обхватив голову руками, и голосила так пронзительно и страшно, что у Лёвы похолодела спина, а Генка плотнее прижался к другу. Вокруг бабы Зины столпились воспитательницы и нянечки. Тётя Нина, не мигая, смотрела куда-то вдаль и гладила по голове молоденькую нянечку Лизу, всхлипывающую на ее плече. Воспитательница младшей группы Алевтина прикрыла рот рукой, да так и замерла. По её щекам катились слезы, но она их не замечала. Только заведующая Мария Петровна не плакала. Она стояла, нахмутив брови и сжав побелевшие губы.

– Что это с ними? – дрогнувшим голосом спросил Ваня. Лёва пожал плечами.

– Замолчи, дура! Детей перепугаешь, – заведующая хлестко ударила бабу Зину по лицу. Та вздрогнула, замолчала, как бы приходя в себя, но продолжала раскачиваться и глухо стонать.

Лёва и Гена переглянулись. Как можно бить по лицу бабу Зину? Она же готовит самые вкусные пироги и запеканку и всегда дает добавку. До слуха ребят донеслось страшное слово.

– Война!

В свои семь лет Лёва уже понимал, что такое война. Он слышал, как о войне говорили взрослые. Он знал, к войне готовились, но всё же не верили, что это случится. А ещё папа говорил, что всё будет хорошо и бояться не нужно. Или он просто успокаивал?

– Нечего панику разводить, – говорила заведующая строгим голосом. – Скоро погонит немцев наша армия. И война кончится. А наше дело сейчас детей сберечь. И отставить слезы.

Дети, столпившиеся возле окон, молчали. Они были похожи на стайку перепуганных воробушков, такие же взъерошенные после сна. В наступившей тишине раздался всхлип Люды Малининой.

– Я хочу к маме, – и Люда заплакала. Тут же начали плакать и другие девочки.

– Хватит реветь, – сказал Лёва каким-то взрослым голосом, – Слышали, что заведующая сказала? Скоро

погонят фашистов обратно.

– Я к маме хочу, и к сестренке. Она в лагере, – плакала пятилетняя Таня, – Маа-мааа!

– У меня тоже сестра в лагере, но я же не плачу, – Лёва попытался успокоить девочку, хотя у самого дрожали губы и щипало в носу. – А мамы за нами скоро приедут. Вот увидишь!

В спальню вошла воспитательница. Девочки с рёвом бросились к ней. Старшие мальчишки с влажными глазами стояли чуть в стороне и изо всех сил старались казаться взрослыми.

– Ну, чего вы? – тётя Нина гладила перепуганных детей по стриженным макушкам и разлохматившимся косичкам. Она была такая теплая, домашняя.

– Вы чего ревете? – раздался голос Юры Бобровского. Он сидел на кровати, тёр заспанные глаза и не понимал, что происходит.

– Война началась, Юрик, – тётя Нина ответила так спокойно и буднично, словно ничего страшного не случилось. Только глаза у нее были потухшие.

– Ух, ты! Настоящая?

– Да. Но всё будет хорошо. Скоро прогонят врагов. Наша армия самая сильная! Кто помнит, как мы стихи про армию читали? Кто расскажет?

– А почему баба Зина так кричала?

Воспитательница опала лицом:

– У неё сын на границе служит. В Брестской крепости. Там сейчас очень опасно.

Эвакуация

На следующее утро детям казалось, что это был только сон: война, причитающая баба Зина, плачущие воспитатели.

Заведующая Мария Петровна и завхоз дядя Митя ушли в поселок. Сегодня дети не делали зарядку и не принимали воздушные ванны. Малыши как обычно бегали во дворе, лепили куличики в песочнице и ссорились, кому качаться на качелях.

Старшие девочки расположились возле цветника и играли в дочки-матери, готовили кукольную еду из цветов и листочков. А мальчишки носились по двору, размахивая самодельными деревянными мечами.

Возле беседки устроились трое друзей. Лёва был заводилой, потому что считал себя самым взрослым. Ему зимой исполнилось семь. Рыжий Генка был самым непоседливым. А пухленький черноволосый Юрка – самым младшим и спокойным.

– Знаете что? – Генка наклонил к друзьям вихрастую голову. – Мы должны помочь Красной армии.

– Скажешь, тоже! Кто тебя в армию возьмёт! – засомневался Юра.

– Это тебя не возьмут, мал ещё, – обиделся Генка. – А мы осенью в школу пойдем.

– А что? Точно! – загорелся Лёва. – Помните нам читали книжку. Там, когда и отцы на фронт ушли, и братья ушли, мальчишки всех врагов поубивали. И мы сможем.

– Да ты как фашиста увидишь, так струсил! – Юра не мог согласиться, что его не возьмут в армию, а друзей возьмут.

– Это я-то струсил? Ещё чего! Я кааак...– Лёва вскочил и с размаху ударил палкой по кусту шиповника. Ароматный розовый цветок упал на землю.

Откуда-то издали слышались глухие удары. Неужели гроза? Но в небе светило солнце. Ещё удар. Потом ещё и ещё.

А ребята из старшей группы замерли, глядя в небо. Над лагерем с воем пролетели самолёты. Лёва, Юра и Генка выбрались из кустов и широко открытыми глазами смотрели в небо. Самолёты летели так низко, что ребята разглядели черные кресты на крыльях.

– Это фашисты! – прошептал Генка.

– Да, против самолётов с палками не повоюешь, – сказал рассудительный Лёва.

К детям бросилась тётя Нина. Девочки, побросав кукольные угощения, уткнулись в ноги воспитательницы.

– Ой, боже мой! – с ужасом простонала она, прикрывая руками их головы. – Минск бомбят.

Неожиданно всё стихло. Самолёты улетели, и земля перестала содрогаться от далеких взрывов. Но дети все ещё опасно поглядывали в небо. Там из-за леса чёрным чудовищем расползлся дым.

Из посёлка вернулась заведующая. Она словно постарела за полдня: волосы растрепаны, глаза ввалились, а щеки пылали, словно от стыда. Она собрала воспитателей в беседке.

– Завтра нас эвакуируют, – сказала она устало. – Но машин нет и не будет, пойдем пешком до станции. Поэтому собирайте самое необходимое: тёплые вещи, одеяльца, а главное – продукты.

– Но как? А как же наши семьи? Они в Минске остались!

Да и малыши не дойдут! – заговорили разом женщины.

– Мужья ваши уже на фронт ушли. Наше дело детей спасти. А как до станции добраться, давайте думать. Это всего семь километров. За полдня дойдём.

– У нас есть тачка. Но на нее много не нагрузишь. Только продукты да вещички какие ни есть, – вздохнул завхоз.

– А как быть с малышами? Если испугаются, то разбегутся, не соберём!

– Может детей построить в пары. Старшие дети возьмут за руки младших и поведут. И можно им по небольшому мешочку с провизией дать, за плечи. Хоть сухари, хлеб.

Лёва, Генка и Юра сидели в кустах, прижухавшись как мыши, и боялись дышать. Они слышали разговор взрослых и до них доходил весь ужас положения. Когда взрослые разошлись по делам, ребята стали обсуждать услышанное.

– А что такое «э-ка-ви-руют»? – спросил Генка.

– Может это прививка такая? Помните нам делали? – испугался Юра.

– Нет, – Лёва задумчиво почесал затылок, –

Мария Петровна говорила, что пешком пойдём. Значит не прививка. Может это город такой?

– Вдруг за нами придут мамы, – недоумевал Генка, – а нас нет.

– Может они и не придут. Забыли про нас, – захныкал Юра.

– Обязательно придут. Вот увидишь. – Лёва поднялся с травы. – Пошли тёте Нине скажем, что мы никуда не пойдём. Будем мам ждать.

(конец отрывка)

Лев Александрович Кандыбович

Девятое мая

– Бабуля, ты валокордин выпила? Ну, пусть рядом стоит. А еще я тебе наушники принесла. Наденешь и совсем ничего не слышно будет. Попробуй, надень!

– И правда ничего не слышно. Спасибо, Машенька. Вот бы такие наушники мне тогда. Да и то не помогли бы, наверное.

– Бабушка, а тогда это когда? – вмешался в разговор семилетний Максимка, наблюдавший за странными приготовлениями: валокордин, наушники, непривычно тихая, и даже испуганная, прабабушка.

– Когда я была маленькая. Меньше, чем ты сейчас. – Марья Тихоновна улыбнулась правнуку и протянула ему портрет. – Вот таким я отца и запомнила. Он молодым и остался.

С портрета на Максимку смотрел веселый парень с улыбкой в пол-лица и глазами, удивительно похожими на прабабушкины. Разве у прабабушки может быть отец? Да еще такой молодой? Наверное, она пошутила.

– Бабуль, парад начинается в десять, а самолеты полетят примерно через полчаса. Надень наушники. Мы вечером зайдем. – Маша чмокнула бабушку, подхватила второй портрет и направилась к двери.

Максим шел задумчивый, прижимая к груди портрет. У него в голове, словно в кастрюле, варились вопросы. Их было так много, что казалось из уха торчит хвостик одного из них.

– Мам, а разве у прабабушек бывают папы? Бабушка Марья сказала, что он молодым остался. Это как?

– Дедушка Тихон ушел на войну вот таким молодым и не вернулся. Погиб. Только портрет и остался.

– А как же бабушка Марья? – Максим даже остановился.

– Она тогда была совсем маленькая. Когда пришли немцы, то выгнали их из дома. И маленькая Маша с мамой и братом два года жила в землянке. Ее брат из двух камней сделал жернова, и они мололи зерно вместе с лебедой, чтобы из этой муки хлеб испечь.

Максим не мог поверить услышанному. Выгнали из дома, жили в землянке? Разве так можно жить? Может это мама про новую компьютерную игру рассказывает?

– А зачем бабушке Марье наушники? – Максим попытался вернуться в свой привычный мир компьютеров и телефонов. – Музыку слушать?

– Нет, – мама грустно и серьезно посмотрела на Максима. – Над землянкой, где жила Маша, часто летал фашистский разведывательный самолет, «рама» назывался. Дети очень боялись и прятались под кровать. У этого самолета был такой жуткий звук, что бабушка помнит его всю жизнь. И сейчас, когда над ее домом на парад летят военные самолеты, ей так же страшно и хочется спрятаться. Надеюсь, наушники ей помогут.

Несколько часов спустя Максим шел в огромной

толпе. Он нес портрет своего прадеда Тихона, который теперь казался ему родным и близким. Из-за маленького роста он видел только кусочек синего майского неба и несколько ближайших портретов. Тогда папа посадил сына на плечи, и впереди Максим увидел транспаранты. Они колыхались над толпой и были все одинаковые, как ромашки на лугу. Тыльные стороны портретов.

– Что это, мам? – Максим показал на пустые спинки транспарантов впереди.

– Это, сынок, статистика. А теперь оглянись.

Максим посмотрел назад и невольно ахнул. За ними шли люди, тысячи людей. И в этом грустящем и смеющемся потоке колыхались портреты. На Максима глядели лица – молодые и не очень, серьезные и веселые. Казалось, что люди с портретов вот-вот спустятся на мостовую и встанут в общую колонну. И не было конца этому потоку.

– А это, – мама показала на портреты, – трагедия.

Жди меня

→ Ну, вот, Коленька, и пришел праздник.

Старенькая седая женщина с любовью погладила портрет в траурной рамке, и поправила на рюмке кусочек свежего хлеба.

С улицы доносился гомон людской толпы, песни и марши военных лет. Старушка подошла к окну и прислушалась к непонятному гулу. Он приближался, ширился, нарастал снежным комом. Потом взорвался громким «Ураааа!», и укатился куда-то вдаль.

Женщина кончиком платка смахнула слезу.

– Эх, Коленька, а мы ж с тобой хотели...

В прихожей залиvisto запел дверной звонок. На пороге стояли правнуки Ксения и Михаил.

– Бабулечка, с праздником! Мы с однокурсниками в парке были и решили тебя навестить.

– Ты что? Плачешь? – Ксения обняла старушку.

– Мы так хотели с дедом отпраздновать сегодня, да не дождался он.

– Ксю, смотри народу сколько! Миллион, не меньше!

Ксения подошла к брату и выглянула в окно. Зрелище действительно поражало. Под их окном бесконечным потоком шли люди с портретами в руках. Шел Бессмертный полк.

– Коленька тоже хотел пройти в этой колонне. Хоть вдоль дома.

– Бабуля, дедушка будет там.

Ксения метнулась к шкафу, достала оттуда дедов пиджак и ловко пристроила его на створку распахнутого окна. Солнце попало на пиджак, и по комнате разбежались солнечные зайчики, отразившиеся от орденов и медалей.

– Мишка, давай портрет деда! Бабулечка, иди сюда!

Они так и стояли. Кричали вместе со всеми «Ура!» и махали руками. А женщина прижимала к груди портрет своего Коленьки и тихо улыбалась.

Уже ночью, когда правнуки ушли, а за окном все стихло, она вновь подошла к портрету и сказала:

– Вот, Коленька, и отпраздновали мы Победу. Я тебя всю войну ждала. А теперь ты жди меня. Я скоро.

Наталья Карпова

Карпова Наталья Владимировна – современная детская писательница, добрая сказочница, которую многие знают под творческим псевдонимом «Тетушка Ау».

Наталья Карпова родилась и выросла в подмосковном селе Ольгово, в простой рабочей семье. Самые яркие воспоминания детства – добрые бабушкины сказки и весёлые детсадовские утренники. В школе сочинила свою первую сказочную пьесу в стихах, получила первые признания на районных конкурсах юных поэтов.

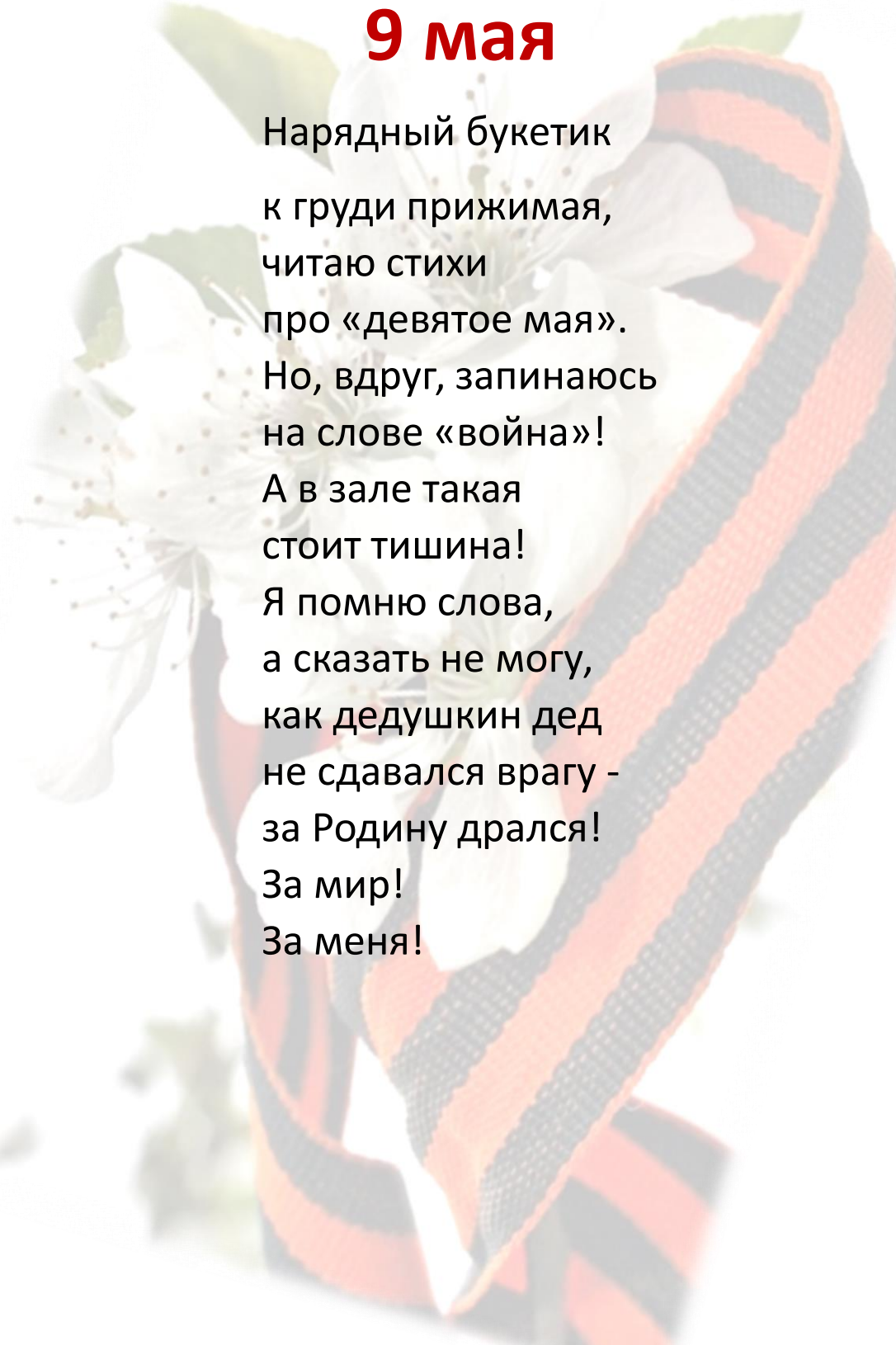
Сейчас Наталья – Лауреат и Дипломант многих литературных конкурсов в России и за рубежом.

Стихи Натальи Карповой регулярно появляются на страницах российских периодических изданий.

С 2014 года она неразлучна с Мурзилкой!

Наталья Владимировна – автор популярных детских книг, выпущенных в нескольких издательствах.

9 мая

A bouquet of white flowers with green leaves is positioned on the left side of the page. A red and black striped scarf is draped across the right side, partially overlapping the flowers. The background is a light, textured white.

Нарядный букетик
к груди прижимая,
читаю стихи
про «девятое мая».
Но, вдруг, запинаюсь
на слове «война»!
А в зале такая
стоит тишина!
Я помню слова,
а сказать не могу,
как дедушкин дед
не сдавался врагу -
за Родину дрался!
За мир!
За меня!

И как не дожил
до победного дня.
Его погубила
фашистская мина!
Он дом не достроил,
не вырастил сына...
И я почему-то
кричу в тишину:
– Давайте к нам больше
не пустим войну!

Гроза

Гроза за окошком.
Никак не усну.
Глаза закрываю
И слышу войну!
Там дедушкин
Дедушка
Был молодой,
За Родину дрался
С фашистской ордой!
В опасных болотах,
В смертельном огне
О будущем думал,
О нас,
Обо мне...

Погиб он героем.
А был бы живой,
Сейчас покачал бы
Седой головой,
Сказал бы:
Не бойся, моя егоза!
Забудь про войну.
Это просто гроза...

Татьяна Кирюшатова

В детском саду №100 Фрунзенского р-на г. Санкт-Петербурга работает замечательный, увлеченный, творческий педагог **Татьяна Николаевна Кирюшатова**.

Татьяна автор и участник международных педагогических проектов, объединивших педагогов дошкольного образования из разных уголков России: «Путешествие в страну Кукурузию», «Лоскутное одеяло дружбы», «Лоскуток в книгу сказок».

Татьяна написала серию сказок о народных куклах, русских ремёслах, целебных травах. Сказки и рассказы не раз публиковались в журналах «Мурзилка», «Филиппок», «Зубренок», «Детское чтение для сердца и разума», в газете «Лампада» (г. Новоалтайск).

Создатель двух интернет-проектов для детей, родителей, педагогов: «Сказки о народных куклах» и «Город Фантазёров».

Татьяна является победителем районного конкурса педагогических достижений в номинации «Воспитание и развитие дошкольника» (2017-2018 учебный год).

В 2019 году у Татьяны Николаевны в издательстве «Антология» вышла первая книга «Кукла в помощь! Советы деда-кукловеда».

Похоронка

Похоронка-похоронка,
Маленький листок.
Что ты смотришь, почтальонка,
Выстрелом в висок.

Знаю я, что быть не может,
Что ошибка здесь.
Скоро сердце растревожит
Радостная весть.

Как же ты понять не хочешь,
Жив он – мой родной.
Вот писал, что нет уж мочи,
Хочется домой.

Что остались до победы
Считанные дни.
Говорили наши деды:
Горе позади.

Дочка ждет его – Алёнка,
Маленький сынок.
Похоронка-похоронка...
Выстрелом в висок.

*Памяти моего прадеда
Кузнецова Сергея Осиповича.
Погиб в августе 1941 г.
на Белоцерковском направлении.
Место захоронения не найдено.*

Ставим свечку за упокой.
Столько лет, столько зим пролетело.
А ведь был ты совсем молодой,
Когда сердце в огне горело.

Сколько было таких юнцов,
Что за Родину, без передышек.
Сколько было тогда отцов,
Переживших своих мальчишек.

До сих пор не найти могил.
Лес густой да болот трясина.
Тонкой строчкой следы чернил:
Церковь Белая, Украина.

Книга памяти, две строки.
Вот и всё! Не найти ответа...
Горько плакали старики,
Тех юнцов провожая в лето.

Бабушка моя не помнит кукол,
Игр, забав детишек-сорванцов.
Помнит, как война загнала в угол
И закрыла детство на засов.

Помнит пить хотелось очень-очень,
Есть хотелось и чуть-чуть тепла,
И чтоб песня мамы среди ночи
Не такую грустною была.

Шли бои, но как-то всё сторонкой.
Повезло. Деревня-то цела.
Но война худою почтальонкой
С похоронкой в избу к ним вошла.

Бабушка моя не помнит детства...
Было детство где-то в стороне.
Вот теперь несу её наследство –
Эту память. Память о войне.

Похоронка

Сядет на крыльцо, завоет громко,
Заглушая оклик журавлей.
Не письмо в руках, а похоронка.
Не таких ждала она вестей.

Осенью промозгой ветер сильный
Треплет косы, хлещет по глазам.
Не поверит! Господи всеильный!
Да за что? За что такое нам?

Подойдут к ней, бросят: «Ты же баба!
Так терпи! Одна беда на всех».
Вытрет слезы – за окном прохлада,
А с небес, как горе, белый снег.

И начнет его сгребать лопатой,
Рукавицы теплые забыв.
Будет молча ждать конца проклятой,
Треснувшие губы прикусив.

И не раз всплывет июньский полдень:
Целовал любимый у реки,
И шептал: «Вернусь! Вернусь! Запомни!
Ты себя да дочку береги!»

Голод

Давным-давно был голод. Это Тане дедушка рассказал. Таня часто вспоминала этот дедушкин рассказ и удивлялась: «Как же может такое быть?» Дедушка тогда был маленьким, наверное, таким, как Таня.

– Дедушка, – тихонько спрашивала девочка, – а что, вот прям совсем-совсем ничего съестного не было?

Дедушка вздыхал:

– Совсем-совсем, Танюша. Вот уж время было, тяжелое, послевоенное. Даже хлебной крошечки в хате не сыскать.

– А вы бы в магазин пошли.

– А магазин, Танюша, тогда совсем закрыли. Однажды мать где-то горсть муки раздобыла, болтушки наварила. То-то мы с сестренками радовались. А еще нас корова спасала. Полстакана молока – настоящее счастье.

Таня молчит, слушает внимательно.

– Нам тогда двух детдомовских ребят подселили, – продолжает дедушка. – Им в детском доме совсем есть нечего было. Сядут они на лавку и плачут: «Кушать хотим, кушать хотим». Мамка наша наскребет чего-нибудь, на всех разделит, мы молчим, а они все плачут: «Хлебушка дайте, хлебушка». Малой крошечке радовались.

– Дедушка, – перебивает Таня, – ты же говорил раньше, что Кубань наша всегда с хлебом, с самым лучшим хлебом.

– Эх, Танюша, – вздыхает дедушка, – тогда по всей стране голод был, и Кубань стороной не обошел. Засуха, рабочих рук нет, вот и получили. Как подрастешь, сама во всем разберешься. Давай-ка лучше чай со свежими булочками пить.

На столе чего только нет: булочки с изюмом, пирожки с абрикосами, пряники в шоколаде. Таня пьет чай, а сама все думает:

– Ну, как же это так? Ни одной крошечки хлеба... Ничего-ничегошеньки....

Память

Таня проснулась рано. За окнами едва начало светать, а из бабушкиной комнаты лился свет крохотного ночника. Таня спустилась с кровати, потихоньку отодвинула дверную шторку, пригляделась.

Бабушка сидела за столом, чуть слышно всхлипывала, то и дело вытирала со щек слезы.

– Ты чего? – подкравшись к бабушке, спросила Таня. – Ты чего плачешь?

– А это я, Танюша, своего папку вспомнила, – грустно ответила бабушка. – Полезла в комод за документами и вот... Нашла.

На столе лежала маленькая фотография и потрепанный клочок бумаги.

– Что это? – спросила Таня.

– Фотокарточка и похоронка.

– Как это похоронка?

– А это, Танюша, извещение о смерти. Письмо такое недоброе, что, мол погиб ваш солдат в бою за Родину. Папка мой совсем молодой был, а я совсем маленькая, как война началась. В самые первые её деньки папка и погиб. Только и остались мне в память о нём фотокарточка да похоронка. Как достану их, так слезы и наворачиваются.

Таня слушала бабушку внимательно, вспоминала, как дедушка ей о войне рассказывал, как дядя Гриша рассказывал и старенькая баба Полюшка.

– Война, Танюша, это очень страшно, – продолжала бабушка. – Упаси, Господь, нас от нее. Упаси, Господь. Таня слушала и слушала, перебивать не решалась.

– Ой, – спохватилась вдруг бабушка, – что-то я тут расплакалась, всю фотокарточку слезами замочила.

Она вытерла платком слезы, аккуратно сложила похоронку и вместе с фотографией, завернув в белую тряпочку, убрала в комод.

– Бабушка, – подумав, сказала Таня, – не доставай их больше!

– Кого их?

– Да письмо это недоброе и фотокарточку. Не доставай и о папке своем вспоминать не будешь, и о войне вспоминать не будешь. И плакать не будешь. Не хочу, чтобы ты плакала.

Бабушка замерла, посмотрела Тане в глаза:

– Знаешь, что, Танечка, – серьезно произнесла она, – дело ведь не в похоронке и карточке. Дело в нашей памяти о людях близких и родных. А памятью о них, Танюша, нужно дорожить.

– Как дорожить?

– Помнить, не забывать.

– А я о тебе, бабушка, всегда помню. И о дедушке помню, – громко сказала Таня.

Бабушка засмеялась, обняла Таню, расцеловала:

– Дай-то, Бог, чтобы ты нас, Танюша и опосля вспоминала и желательно добрым словом.

Алькины туфельки

Дверь за мамой закрылась. Алька шустро соскочила с кровати и бросилась к стоявшей в углу сумке с вещами.

– Ну, где же они? Где? – Приговаривала Алька, копаясь в сумке. – А вот! Нашла! Вот они, мои хорошие! Самые красивые, самые блестящие! Вот они мои туфельки!

Сквозь малюсенькое оконце кое-как пробивались слабенькие лучики зимнего солнышка. Алька сидела на кровати и смотрела на свои новые туфли. До чего же красивые! Лаковые, черненькие. Блестят! Ух, как блестят! А если их поближе к оконцу поднести, еще сильнее блестят. А застежка блестит, будто она из серебра сделана! Нет, не из серебра, из золота! А еще каблук есть. Каблук, правда, маленький, зато громкий! Уж она, Алька, знает, как он может громко стучать.

Туфельки Альке купили еще летом.

– На осень! – говорила мама. – Ты же у нас осенью в школу пойдешь!

Алька мерила туфли и важно прохаживалась в них по большой комнате. Солнечный свет врвался в распахнутые окна вместе с ароматом распустившегося жасмина. Маленький каблук звонко стучал по крашеным половицам. Еще мама ей купит портфель и школьную форму. А еще бант! Такой большой-пребольшой белый бант! Вот так выйдет она в сентябре

на улицу, нарядная-нарядная и пойдёт в школу, стуча каблучками: тук-тук, тук-тук.

Наступил сентябрь. В школу Алька не пошла.

– Ничего! – приговаривала она, поглаживая свои туфельки. – Вот кончится война, а она очень скоро кончится, и я обязательно в школу пойду. И портфель новый у меня будет, и школьная форма. Так примерить вас хочется! Так хочется! Только тут нельзя, испачкать можно. А вот вернемся домой, каждый день примерять буду!

Смотреть в оконце Альке не хотелось. Ничего там интересного нет. Вот проснется скоро сестричка Ниночка, с ней можно будет поиграть. Правда, игрушки все тоже дома остались. Но это не беда! Они-то себе игру придумают. Можно, например, лежа на кровати, сбивать с потолка камышовые метёлки, или в земляном полу ямки рыть. А на улицу им нельзя. Мама будет ругаться. Она всегда говорит:

– Без меня, чтоб нос на улицу не высовывали.

А они и не собирались его высовывать. Сидели себе тихо в этой маленькой землянке, ждали маму. Вот было радости, когда она возвращалась.

– Ну-ка! – говорила она. – Скорее сюда! Кому горбушку? А кому мякушку?

Альке было всё равно, что есть: хоть горбушку, хоть мякиш. Лишь бы поскорее, да побольше. Только вот «побольше» никогда не было. Мама смотрела, как Алька с Ниночкой слизывают с ладошек крошки серого

хлеба и плакала.

– Ты чего плачешь, мама? – спрашивала Алька.

– Да так! От счастья! От счастья, что все у нас живы и здоровы.

Однажды к ним в землянку пришла какая-то тётя. Она долго обнимала маму, потом Альку и Ниночку. Обнимала и плакала. Мама тоже плакала. Тётя говорила маме, что уж очень вовремя их эвакуировали, что ничего не осталось от их посёлка: ни домов, ни школы, ни больницы. Совсем ничего не осталось. Они плакали и плакали. Алька смотрела на них и думала: «Отчего же они плачут? Неужели снова от счастья?»

Однажды утром Алька не нашла своих туфелек. Она перерыла всю сумку, разбросав по землянке вещи, перевернула постель, на всякий случай заглянула в печку. Нигде нет! Алька плакала и причитала:

– Ну, где же они? Где? Куда подевались?

Дождавшись маму, кинулась к ней с вопросом:

– Mam! Туфельки где?

– Туфельки, говоришь? погоди! дай хоть отдышаться, да пальто снять.

Алька с нетерпением ждала маминого ответа.

– Вон смотри, доча, на что я твои туфельки обменяла.

Тут только Алька заметила в углу возле входа небольшое ведро мелкой картошки и половинку тыквы с крупными, белыми семечками внутри.

Девочка отвернулась от мамы, села на кровать и громко заплакала. Мама села рядом. Она прижимала к себе Альку, гладила её по голове и тоже плакала. Только мама плакала тихо, изредка смахивая со щёк крупные слёзы.

– Вы чего? – подошла к ним Ниночка. – Вы чего плачете?

– От счастья, – ответила мама. – От счастья, что все у нас живы и здоровы.

Василиса

– Ну и на кой ляд тебе жениться? – кричала на Сергея мать. – Глянь на других! Гуляют парни, о женитьбе не думают. А ему приспичило. В армию сперва сходи, отслужи! А уж там и поглядишь. А она пусть ждет! Не дождется, зная не твоя эта Василиска.

– Мать! – строго произнес Сергей. – Хватит уже. Свадьба – дело решенное!

– Решенное! – не унималась мать. – Да что ж ты сынок делаешь? Тебе гулять еще да гулять, а ты ярмо на шею вешаешь!

– Мам! – вдруг улыбнулся сын. – Люблю я её!

Ловко накинув на плечо пиджак, он поспешил из дому. Мать погрозила в окно кулаком:

– Сергей! Одумайся!

– Люблю я её, мам! Люблю-ю-ю! – прозвучал звонким эхом его голос.

Он бежал за ней по цветущему лугу, срывая на ходу распустившиеся ромашки и васильки.

– Догоняй! – кричала она, звонко смеясь и смахивая с лица выскочившие из-под косынки пряди.

– А никуда ты от меня, Василиска, не денешься. – Сергей ловко ухватил её за руку и резко притянул к себе. Он целовал её глаза, щеки, губы. – Моя! Моя! Моя! – шептал он. – Родная. Любимая.

Они лежали на скошенной траве. Солнышко, лукаво выглядывающее из-за леса, отражалось в каждой капельке теплого, недавно выпавшего дождика. Он прижимал её к себе. Голова шла кругом, то ли от наполняющего воздух аромата шалфея и мяты, то ли от счастья, переполняющего сердца.

– Василис, – нежно произнес он. – Родишь мне сына?

– Хоть троих! – засмеялась она. – Только сначала дочку!

– Чудо ты мое! – ласково произнес Сергей. – Настоящее чудо!

Василиса торопилась домой.

– Врут люди, врут, – крутилось у неё в голове. – Попутали что-то. Все перепутали, переиначили. Да такого ведь просто быть не может. Недавно же проводили. И что ж их молодых солдат прям сразу в огонь что ли? Да быть не может.

– Васенька! – заголосила сидевшая на завалинке свекровь. – Что ж это делается? Нету больше нашего Сереженьки. Нету моего сыночка. Немцы всё проклятущие.

Василиса выхватила из её рук мятый листок бумаги. Потемнело в глазах. Ноги сделались ватными. Она опустилась на завалинку рядом со свекровью.

– Вась! Может ошиблись они, а?

– Ошиблись! Ошиблись, мам! Конечно ошиблись. – произнесла Василиса, голосом полным отрешенности и боли.

Они долго сидели рядом. Солнышко пряталось за пригорком. А он стоял у неё перед глазами. Её Сергей. Красивый, веселый. Будто вчера все было: и захватившая их любовь, и поцелуи у речки, и рождение дочки. Будто вчера гуляли они всем селом, провожая его в армию.

– Эх! – улыбался он. – Ты, Василис, оглянуться не успеешь, как я вернусь. А про войну не слушай! Сплетни всё это. Не будет никакой войны!

– Серёга! Кончай со своей ненаглядной прощаться, – торопили его друзья. – Прыгай на телегу. Одного тебя ждем!

А он не мог от неё оторваться. От её глаз, от её губ.

Друзья подхватили Сергея под руки и потащили к телеге. Он оглянулся и вдруг, собрав воедино всю свою недюжинную силу, рванул назад. По ступенькам вбежал в дом, обвел взглядом комнату, будто стараясь запомнить всё именно так, как есть в данный момент. Подошёл к детской кроватке, поцеловал спящую дочку:

– Храни тебя Бог, Марусенька. – прошептал, проведя рукой по розовой щечке.

– Эй, Серега! – раздавались на улице голоса товарищей. – Хватит чудить! Поехали.

– Вот теперь поехали! – громко произнес он, и резво сбежав по ступенькам вниз, запрыгнул на телегу.

Она смотрела вслед.

– Я вернусь! – ещё долго звучал его голос. – Я вернусь!

И она ему верила.

– Ты терпи, дочка! – уговаривала Василису мать, провожая домой. – Ох и новость ты ж нам принесла сегодня! Ох и новость. Война она такая. Вон сколько похоронок в нашу деревню принесли. Не перечешь. Ты о Марусе думай. Сердце шибко не рви. Терпи, дочка. Вон говорят люди, что эт только начало. А что дальше будет, неизвестно.

Василиса молча слушала мать. Они шли по дороге среди полей, освещенной ярким августовским солнцем.

– Я, мам, дальше сама. Не провожай.

– Ну, сама, так сама. – остановилась мать. – Иди с Богом. Только не кручинься, да не горюй, слышишь. Слёзы не лей! Береги силы, береги.

– Хорошо, мам! Хорошо!

Василиса заспешила по пыльной дороге.

– Сердце шибко не рви! – стояло в ушах наставление матери.

А оно рвалось, это непослушное сердце, просто разрывалось на маленькие-маленькие кусочки. Комок горести, нарывавший где-то глубоко-глубоко внутри, вдруг вырвался наружу нескончаемым потоком слёз.

Мать долго смотрела ей вслед. Дождавшись, когда Василиса скроется из виду, упала на дорогу и громко зарыдала.

– Да за что ж это, Господи! – кричала она. – Да за что ж моим сынкам, да доченькам такие страдания? Да за что ж это, Господи?

День близился к закату. Ещё один день проклятой войны.

Библиотека № 7 «Улыбка»

Санкт-Петербург, Красное Село, пр. Ленина, 65

тел. 741-43-33

www.krlib.ru

E-mail: knigovichok@list.ru

ВКонтакте: vk.com/library_ulybka